

И.С.ТУРГЕНЕВ В ОЦЕНКЕ ЧЕШСКИХ КРИТИКОВ Ф.К.ШАЛДЫ И А.НОВАКА

Чеські письменники, починаючи від Я. Неруди та В.Галека, високо цінували І.С. Тургенєва. Ф.К. Шалда Аналізував тургенівські оповідання та романи, насамперед, «Новь» і «Дим», дійшов висновку про плідний вплив російського письменника на європейський роман. А. Новак виділив у здобутку Тургенєва три особливості: 1) створення жанру поезії в прозі, 2) детальне змалювання жіночої психології, 3) відображення «западництва» мисленням російського суспільства.

«Иван Тургенев является в настоящее время несомненно самым славным славянским писателем» [4, s. 150]. Это в 1883 г. написал чешский писатель Ян Неруда, который знал творчество Тургенєва уже с конца 50-х гг. по немецкому переводу «Записок охотника» и с 1859 г. печатал отдельные части «Записок» в своем журнале «Картины жизни». Известность Тургенєва в Чехии обусловлена французскими и немецкими переводами, что вызвало у Неруды ироническое замечание: «Русская стихия и русская жизнь в их глазах (т.е. немецких) ничтожны; однако Тургенев, чистый цветок этой стихии и жизни, им представляется идеалом: вот немецкая логика» [4, s. 150]. И еще Ян Неруда цитируя именно немецкий источник, утверждал: «Тургенев заставил Европу заметить русскую литературу» [4, s. 151]. Поколение Неруды и Витезслава Галека поняло, что Тургенев открыл окно в литературную Европу и, как первый русский писатель, оказал влияние на многих европейских писателей во Франции, Германии, в скандинавских странах и, конечно, в Чехии, где как пример можно привести не только самих Неруду и Галека, но и А.Сташка, К.Светлую, Й.Арбеса, В.Мрштника, Й.Голечку и других, менее известных авторов. Данный факт признавали Неруда и Галек, современники русского писателя, это не будут подвергать сомнению и будущие критики и историки литературы. Как пишет Й.Голечек в своем романе-мемуарах, Тургенев повлиял не только на деревенские рассказы Галека, но и на его восприятие человека и общества [3, s. 65]. Восхищение Галека «Записками охотника» привело его к пропагандированию тургеневского культа в обществе «Художественная беседа», к избранию Тургенєва почетным членом общества. И, как сказал Голечек, «Галек первый в чешской литературе вышел навстречу русскому реализму» [3, s. 67]. По его мнению (которое совпадает с фактами восприятия русской литературы у нас), чехи знали и Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но по-настоящему заинтересовал наших критиков и публику именно Тургенев. Неслучайно о нем еще при его жизни писали К.Сабина, Й.В.Фрич, Й.Арбес, А.Сташек, Э.Вавра, Я.Грубый, П.Дурдик и, конечно, Неруда и Галек. И неслучайно почти все его произведения вышли в это время на чешском языке. Это восприятие Тургенєва у нас соответствует критической оценке писателя во Франции. Критики Эннекен и де Воюэ подчеркивали гуманизм русского романа (представителями которого считали главным образом Тургенєва, Толстого и позднее Достоевского), писали о том, что русские не являются «ремесленниками слов» и что их забота о «выражении» не преобладает над заботой о «деле», о

содержании, как это бывает у Гонкуртов и Флобера [1]. И конкретно о Тургеневе Эннекен писал, что преимуществом его книг по сравнению с лучшими французскими является то, что «они не жестоки к человеку». Французские критики, таким образом, раньше наших перешли от рецензирования и описания творчества Тургенева к более глубокому анализу его книг и обобщающей оценке его мировосприятия и мастерства. Это у нас сделали в конце XIX и в начале XX ст. Франтишек Ксаверий Шалда и Арнэ Новак.

Шалда, прекрасный знаток французской литературы и автор многих статей о французских (а также немецких, английских и др.) писателях в известной энциклопедии Я.Отты, подал в 1896 г. чешский перевод книги Э.Эннекена [2], о которой я уже упоминал. В это время он уделял большое внимание именно Тургеневу. В журнале «Литерарни листы» он напечатал пространную рецензию, скорее - аналитическую статью о новом, уже втором издании «Нови» и новеллы «Ася» в новом переводе Я.Грубого, которое было шестым томом 8-томного собрания сочинений Тургенева [8, s. 484-485]. В 1897 г. вышла еще одна рецензия Шалды на перевод романа «Дым» и нескольких рассказов [7, s. 411-414].

В самом начале первой рецензии Шалда дает удивительно точную, хотя одновременно в кое-чем спорную характеристику романа, в которой чувствуется именно романская образованность автора: «Читаю снова (!) этот роман и снова я им захвачен и пленен, его интимной, глубокой, тяжело меланхолической и мелодически дремучей, истинно славянской, темной и широкой и мутной ногой, болезненной, близкой и пристальной принципиальностью и мягким, скользяще психологическим пронизыванием, этими раскрытыми, вдаль и в степь фатализма распростертыми и растянутыми идейными и общественными просторами, всей этой плотной, текучей и блуждающей иллюзией жизни в хаосе рожденной, как искра из него пробирающейся и в пепле гаснущей. . . Театр туч и психологических облаков — вот что представляет собой этот роман Тургенева. Пассивные, изменчивые, бесформенные души танцуют и играют в нем под фатальную музыку и при гонке ветров. . . то падают, то поднимаются, то кружатся, то стоят. . . и причем этот равнодушный, слепой задний план нирванистской могилы, куда однажды, раньше или позже, упадет вся эта пестрая, кувыркаяющаяся, слепая и тщетная игра метающихся явлений, эта взвизывающаяся пыль атомов, тот «меланхолический вальс и унылая головокружительность», как поет в «Цветях зла» Бодлер» [7, s. 411].

Если тщательно анализировать эту обширную шалдовскую характеристику тургеневской «Нови» и тургеневского романа вообще, то мы прежде всего заметим, как Шалда умело сближает классический тургеневский реализм с декадентством, в гуще которого Шалда в конце века находился. В том же духе он продолжает свой анализ содержания формы романа и, как мы увидим, не только тургеневского.

Шалда далее говорит о «Нови» как о «менее или хуже всего скомпонованном» романе писателя, о ненужных для действия эпизодах, о неконцентрированности сюжета, о чрезмерной пространности характеристик героев, что, как сказал бы традиционный эстетик, является художественным минусом. Шалда находит все это внутренне оправданным, даже необходимым для достижения того основного впечатления, о котором говорил в начале статьи. Именно такая «плохая композиция», эта несоразмерная серость, по его мнению, соответствует в «глубоком, символическом почти смысле»

содержанию и представляет идейную ценность романа.

С традиционной точки зрения аморфная «Новь», по утверждению Шалды, является самым густонаселенным, т.е. общественным романом. Ни у кого не найти столь текучей линии, границы между индивидуальными характерами и родовыми, классовыми типами, столь тесного взаимопроникновения и взаимной флуктуации, как у Тургенева. Эта взаимность и нервная текучесть реализуется в романе исключительно сильно и мастерски. Этой широтой, человеческой полнотой и текучестью писатель создал, по мнению Шалды, особый тип трагедийности, которая отличается от старой, патетической трагедийности. Это трагедийность «внутренняя, ироническая, беспомощная и фаталистическая». «Рудин» и «Новь» — это «драмы болезни воли и ее атрофии», трагикомедии, где персонаж гибнет, будучи не героем, а слабовольным, больным экземпляром человеческого рода, нравственным уродом. Шалда экстремно увеличивает свои характеристики, чтобы дать окончательную характеристику. Он пишет: «Нерешительное колебание, муки неуверенности, быстрота перемен, ненаправленность и абсолютное неверие... это тип декадента, человека вывихнутого, как сам о себе говорит Нежданов.» Причем в нем растет скепсис сознания, что он играет комическую и ненужную роль. Следует обобщение, после которого придет еще более широкая генерализация. Речь идет о трагедийности, отличающейся от старой, ясной, светлой, трансцендентной своей иманентностью, из которой нельзя уйти и в которой умирают отчаянно долго. По сравнению с ней, с этой новой трагедийностью, классическая и романтическая трагедийность кажется Шалде «почти театральной». И, наконец, эта шалдовская широкая генерализация о типе Нежданова: «Он представляет собой индивидуум, замурованный в тюрьме своего «я» и страдающий и стремящийся вырваться из него. . . Высказаться, слиться с другими в какой-нибудь более широкой, большей и более глубокой сущности, избавиться от проклятия неподвижной связанности в узком кругу, прикованности к цепи своего эгоизма. Это проблема неждановская, тургеневская, как существуют и проблемы пушкинская и лермонтовская, проблемы «Онегина» и «Героя нашего времени», проблема толстовская и Достоевского». Нежданов — чистый тип декадента, «плохой актер в чужой роли», он хочет упроститься, экспериментирует с людьми и с собой самым. «Рефлексивная ирония, самоанализ, трагикомическое отчаяние, сознание тщетности, внутренняя волевая импотенция, неизлечимость нравственной уродливости — вот итоги неждановского стремления к упрощению.

Шалда сравнивает Нежданова с умирающим в отчуждении Нильсом Луне, — героем одноименного романа («Niels Lyhne», 1880) датского писателя Енса Петера Якобсена. Нежданов представляется Шалде новой формулировкой психологического типа романтика, первыми зародышами которого были Вертер у Гёте, Рене у Шатобриана, Оберманн у Сенанкурта. Только у Тургенева впервые устранены декорации романа и искусственное освещение. Желание упрощения связывает Нежданова с толстовским Левиным, но в тургеневском герое пока «много рационалистского пессимизма, много западного индивидуализма, много позитивизма». И потому Шалде его смерть кажется скорее природной, чем нравственной, явлением природного фатализма.

В том же духе написана рецензия на роман «Дым», «горькую, преданную, отчаянную работу», после прочтения которой остается «горечь пепла на губах». Что Шалда дальше пишет о романе: «Никто не сказал последнее слово

пессимизма столь отчаянно, как Тургенев в этой книге... Книга фатализма, непредвиденного, коварного, сильного и победного рока, играющего с человеком, как ветер с дымом... Книга внутреннего ранения и отрезвления... Книга обманутой веры и честности... книга бессцельности и неразумности мира и жизни... Слепая сила определяет и решает все.» Для главного героя, Литвинова, все на обратном пути с немецкого курорта в Россию окутано дымом. Шалда видит во взаимоотношении Литвинова и Ирины «фатализм внутренней жизни двух индивидов», но и «огромный таинственный фон общественного, коллективного фатализма». Русская политическая и общественная жизнь «слепая, темная, отчаянная, горькая, тщетная и тихая». В Бадене встречается Россия официальная и реформная, но обе они одинаково «пустые, праздные, ничтожные и тупые». «Где разум и говорит, то напрасно бросает слова на ветер, потому что говорит разбитая и по сути уничтоженная развалина.»

Шалда прекрасно знал все доступное на чешском языке творчество Тургенева. Называя в статье «Роман» для «Оттового словаря научного» русского писателя «мастером психологического анализа и поэтом самой тонкой сензитивности и лирической неги [6], он исходил, естественно, не только из характеристик «Нови» или «Дыма». Тургенев первым из русских авторов романа проник на запад и оказал на французскую литературу — совместно с Толстым и Достоевским — заметное влияние своим психологизмом и альтруизмом, как и своим интересом к простому народу. В этом Шалда согласен с де Воюэ. Он добавляет: «Современный роман все больше интересуется проблемой организации, вопросом включения индивидуума в общество, ритмом чередования поколений, ростом души в общественном целом или против него, кризисами совести и центробежности инстинктов и мечтаний.» На первом месте в списке представителей такого романа он называет Тургенева, за ним следуют Толстой, Достоевский, Горький, Флобер, Гонкурты и т.д. Именно русский роман «мощно повысил плодотворность западного романа, углубил его цели, вливши в него более страстную инспирацию, усилив и утончив его логику, указав новые ценности психические и этические, расширив и открыв его рамки.» Такого обобщения достигает Шалда на основе изучения творчества Тургенева и других русских классиков в самом начале XX в.

На 13 лет моложе был другой видный представитель чешского литературоведения Арнэ Новак. По специальности германист и богемист, он занимался преимущественно чешской литературой и в связи с ней рефлексировал также славянские литературы. Вместе со своим однофамильцем Яном В.Новаком он написал большой труд — историю чешской литературы с древних времен до возникновения Чехословакии в 1918 г. [5]. Новак во многом пишет о Тургеневе согласно с Шалдой, но не сближает его реализм с декадентством. О реалистическом деревенском рассказе второй пол. XIX в. он говорит в широком европейском контексте, вспоминая Б.Ауэрбаха, А.Штифтера, Ж.Санд, Ж.Эллиот, Б.Бьёрсона, Б.Немцову и К.Светлую. Тургенев, по его мнению, сыграл большую роль в развитии деревенского рассказа В.Галека и вообще «Записки охотника» Тургенева значительно влияли на наших писателей своим реалистическим изображением деревенского человека на фоне свежей природы». Особо Новак выделяет А.Сташека, автора статьи о Тургеневе. Новак подчеркивает три заслуживающие внимания особенности творчества Тургенева. Прежде всего оценивает его и Бодлера как творцов жанра стихотворения в прозе (который в чешской литературе его также освоил Я.Врхлицки)

и в котором авторы выражают свои взгляды на жизнь и говорят об особенно значительных моментах своей эмоциональной жизни.

Второй особенностью тургеневского творчества является, с точки зрения Новака, мастерство рисунка «волнующих голов женщин, до отчаяния поглощенных разочарованием в иллюзиях и невозможностью добиться компромисса с несчастной жизнью». Романы Тургенева приносили то решение актуальных общественных проблем (роман был судом над временем), то детальный рисунок женской души, которую лирически настроенный автор знал до наименьших оттенков. У Тургенева и датского писателя Якобсена учились, по мнению Новака, чешские писательницы Г.Квапилова, Р.Свободова и Б.Бенешова.

Третьей особенностью Тургенева является его западничество, «насыщение духом европейского запада» и «изображение его отклика в мышлении русских образованных и полубразованных кругов». Тургенев, Толстой и Достоевский, вместе с Гаршиным и Чеховым представляют для Новака своеобразие русского реализма, а именно «беспощадно правдивую и интуитивно ясновидную психологию, страстный интерес к вопросам нравственным, религиозным и социальным, главным образом к проблемам вины, наказания и внутреннего очищения, а также к философии революции, строгой этики, основанной на евангельском христианстве, которое у русских явление не историческое, а непосредственно настоящее». Эти черты русского реализма Новак сравнивает с «юмористически настроенным реализмом английским и с холодным и научно объективным реализмом французским». С такими резолотными и краткими характеристиками английской и французской литературы Шалда вряд ли бы согласился, в отличие от понимания Новаком особенностей русского реализма.

Конец XIX – начало XX ст. — весьма плодотворный период чешского литературоведения. Наряду с Шалдой и Новаком его представляют такие личности, как Ян Махал, Альберт Пражак и др., которые писали свои труды не в узкоспециализированном русле, а связывали свои работы о чешской, русской или другой славянской литературе с европейским контекстом.

1. *Hennequin E.* Ecrivains français. — Paris, 1889.
2. *Hennequin E.* Spisovatelé ve Francii zdomácněli. — Praha, 1996.
3. *Holeček J.* Pero, román-paměti, II. — Praha, 1923.
4. *Neruda J.* Podobizny II. — Praha, 1952.
5. *Novák Jan V., Novák A.* Přehledné dějiny literatury české od nejstarších dob až do politického osvobození. 3 vydání, Olomouc 1922. *Novák J.V.* Zpracoval starší českou literaturu.
6. *Ottův slovník naučný*, Sv. XXI. — Praha, 1903.
7. *Šalda F.X.* Ivan Sergejevič Turgenev: Dym a různé povídky. Literami listy, XVIII, 1897.
8. *Šalda F.X.* Ivan Sergejevič Turgenev: Novina; Asja. Literami listy, XVIII, 1897.

Summary

Check writers since Ya. Neruda and G. Galek have highly praised I.S. Turgenev. F.K. Shalda investigating the stories and novels by I.S. Turgenev, primarily «Nos» and «Dym» revealed I.S. Turgenev's deep influence upon the European novel. A. Novak underlined three peculiarities of I.S. Turgenev's works:

1. Creation of genre of poetry in prose (together with Ch. Baudler)
2. Detailed description of women's psychology
3. Reflection of «westernism» in the Russian society's thinking

Стаття надійшла до редколегії 2.10.2006